

Яна

В детском лагере было шумно, людно и, наверное, весело.

Весело всем, кроме Яны.

Девочка тоскливо посмотрела в сторону ворот — огромный замок многозначительно и устрашающе покачивался на них, словно намекая, что самостоятельно детям не выбраться. Но ведь никто и не пытался.

Никто, кроме Яны.

Во всем лагере с ней дружили только Нина и Маша, но первая чаще проводила время в компании более интересных девочек, а вторая — красовалась перед мальчишками. Яна же не вписывалась ни в одну компанию.

Когда родители отправляли ее в лагерь, то обещали, что будет здорово.

Здорово провести день рождения в компании вожатых и незнакомых детей, которые с первого же дня избрали ее своей жертвой.

Родители забыли предупредить: никто не любит толстых девочек.

Яна затравленно смотрела в сторону ребят, которые веселились.

Все, кроме нее.

Утро у девочки началось с ледяной ванны. Мальчишки решили по-особенному поздравить ее с днем рождения. Не поленились даже сбежать к реке, куда вожатые не отпускали детей одних. Не поленились принести тяжелое ведро, наполненное не только противной жидкостью, но и всякой речной живностью вроде мелких головастиков.

Яна завизжала от ужаса, не сразу сообразив, что происходит. Постель вся промокла, девочка в панике слетела с нее, падая на пол. Под ее весом матрас немного просел и в небольшой выемке образовалось озеро, которое постепенно впитывалось в ткань. Девочки-соседки хохотали до слез, сгибаясь пополам и стуча кулаками о стены и тумбочки, а мальчишки ржали громче всех. На шум прибежала вожатая, грозно взглянувшая на всех собравшихся, но толку от этого никакого не было: дело сделано.

Испытав невероятное унижение в свой тринадцатый день рождения, Яна поняла, что она не рождена для дружбы и общения. Мама говорила, что надо уметь строить диалог, быть дру-

желюбной и отзывчивой, но в этом адском лагере ничего не получалось.

Яна не горела желанием заводить новые знакомства. Хотя мама очень просила ее попытаться с кем-нибудь подружиться. Ведь ради этого и затевалась вся поездка.

Но как же сложно быть отзывчивой и дружелюбной, когда вечером у костра мальчишки пытаются толкнуть тебя в огонь, чтобы подпалить волосы!

Сложно строить диалог, когда ты переступаешь порог столовой, набираешь себе полный поднос еды, а тебе ставят подножку. стакан компота не разбивается, но одежда и лицо все равно залиты, еда в волосах и на футболке.

Сложно быть общительной, когда никто не хочет разговаривать.

Девочка обняла руками колени и пристально посмотрела на замок.

Родители обещали позвонить и поздравить, но в душе Яна надеялась, что они приедут. Вслушиваясь в окружающие звуки, девочка с трепетом ждала, что где-то там, чуть поодаль, свернет с главной дороги машина, шумно спустится по гравию и остановится перед главными воротами.

Но все это было лишь мечтой. Глупой и детской.

Яна вздохнула и уткнулась лбом в колени, кусая губы от досады. Где-то в стороне был слышен смех, разговоры, крики — ребята веселились

с самого утра, игнорируя замечания старших. Стараясь не вслушиваться в этот шум, девочка попыталась сосредоточиться на собственных мыслях.

«Осталось всего двенадцать дней...»

Пока родители вместе с маленьким орущим ребенком гуляли по пляжу, Яна была вынуждена терпеть насмешки мальчишек. Слушая эти нескончаемые унылые шутки и ловя на себе презрительные взгляды, девочка кусала губы и старательно сдерживала слезы — их она проливала в подушку после отбоя.

Определенно, кому-то точно было здорово в этом аду, огражденном от внешнего мира.

— О, смотрите-ка, — раздался голос Серого. Худой паренек с взъерошенными темными волосами был главным в компании любителей поиздеваться над девочками. — Коровикова опять ревет.

— Ничего я не рыдаю, — огрызнулась Яна, отворачивая лицо. Даже не обратила внимание на искажение собственной фамилии.

— Ой, ну ладно тебе, — усмехнулся мальчик. — А то мы не знаем ничего, ага.

Девочка стиснула зубы. Мама учила ее быть терпимее и не обращать внимание на таких выскочек. Уверяла, что очень быстро им надоест шутить, когда они увидят, что никакой реакции на их слова нет. Но маме легко было рассуждать: она была красивой, стройной и наверняка ни-

когда не слышала ничего подобного. А Яна каждый день страдала.

— Отвалите, — бросила девочка, резко вставая. Юбка на бедрах задралась, но она торопливо ее поправила, чтобы мальчики не придумали новый способ издевательств. Не хватало еще краснеть из-за этого и искать новые места для укрытия. Яна посмотрела на каждого очень внимательно. Иногда уверенности ей было не занимать. Но лишь в те минуты, когда она отчетливо представляла себя королевой лагеря, а их — наказанными хулиганами. К сожалению, иллюзия очень быстро рассеивалась, и девочка оказывалась лицом к лицу с реальностью, где она по-прежнему была полной и некрасивой жертвой издевок.

— Сергей, Костя, Тимур? — позвала вожатая, очевидно, заметив их рядом с Яной, которая мгновенно воспользовалась моментом и улизнула. Ей было неважно, натворили они что-то или же девушка решила ее спасти. Главное — вовремя скрыться, и Яна постаралась затеряться меж деревьев. Прислонившись спиной к одному из стволов, она прикрыла глаза. Иногда девочка мечтала, чтобы рядом с ней был настоящий защитник. Красивый и высокий парень, который бы одним взглядом прогонял обидчиков, заступался за нее и оберегал от всех насмешек. Но такого не существовало. Яна прекрасно это понимала.

— Где она? — раздался в стороне голос Серого, и девочка вздохнула. Все ее мечты разбивались о берега реальности, когда обидчики подступали со всех сторон. Романы, которые она читала украдкой, тщательно пряча книги от остальных, были лишь выдумкой. Не было никакого Ланселота, который бы примчался верхом на боевом коне, не было и бесстрашного Робин Гуда, способного одной стрелой метко пришить негодяев к стене. Не было благородных королей и отважных принцев, которые спасали прекрасных дев. Не было даже простых юношей, ведомых жаждой подвигов.

«Тебе понравится, правда понравится. Вот увидишь, родная, у тебя появятся новые друзья и вы будете вместе играть, гулять. А после лагеря — дружить и общаться в городе!»

Яна частенько припоминала напущение матери, веря, что та действовала исключительно из лучших побуждений, но пока все это выглядело скверно.

Пока девочка чувствовала себя брошенной, белой вороной в родной семье, от которой хотели поскорее избавиться, чтобы не мозолила глаза родным. Для них она, видимо, была той, которую не хотелось показывать родственникам и друзьям. Ведь Яна не соответствовала образу идеальной дочери, не была похожа на красивую маму с ее роскошной фигурой и пышными волосами. Она испытывала чувство вины за это,

но продолжала жевать вкусные бабушкины пирожки.

Ощущая себя чужой, она даже не обижалась на родителей, которые отправили ее в ссылку. Но пустоту и одиночество сложно было побороть.

Улучив момент, Яна прокралась к другому дереву. Затаившись недалеко от домика вожатой, девочка выдохнула. Здесь, по крайней мере, она почувствовала себя в относительной безопасности. Сама вожатая, совсем еще молодая и очень энергичная девушка, металась по комнате, наводя порядок. Окно было приоткрыто, впуская в дом свежий воздух и выпуская звуки музыки. Старенькое радио никогда не унывало, постоянно выдавая какие-то совершенно странные песни.

«De-e-espa-a-acito-o-o...»

Яна не знала эту песню, никогда раньше не слышала. Хотя зарубежные хиты особо и не привлекали ее, она их просто не понимала. Эта же казалась слишком заводной. Такую наверняка крутили на вечеринках или праздниках, где красивые девушки танцевали на столах, а парни радостно хлопали им. От этого девочке стало еще тоскливее. Она прекрасно осознавала, что никогда не будет зажигать под бодрые песни. Ее удел сидеть у окна, читать какие-нибудь умные книжки и грустно смотреть в одну точку. Может быть, еще она будет включать телевизор, чтобы вечером посмотреть сериал про следователей.

Возможно, она преувеличивала и однажды сумела бы побороть своего главного врага — лишний вес. Но в это верилось с трудом. Никто не говорил ей, плохо это или хорошо, никто не давал советов. Мама лишь сетовала, что дочь любит вкусно покушать и делает это слишком часто, но все ее замечания по этому поводу ограничивались неловкими попытками отговорить Яну есть то или иное блюдо. А еще бабушка вмешивалась, уверяя всех вокруг, что дети должны хорошо питаться. Где это видано, чтобы девочка была худой как палка?

Книжных героев не существовало, красивые мужчины в фильмах были лишь образами. А Яна и ее лишний вес — это реальность. Реальность, которую она очень хотела изменить. Вылепить свою жизнь собственными руками, сделать саму себя в разы лучше. Но постоянные насмешки, отсутствие внимания от родных — все это заставляло ее опускать руки. Быть может, она и отложила бы третью котлету, не стала бы просить добавку сытного борща. Может, она бы заставила себя больше гулять, а не сидеть на игровой площадке. Но мысль, что весь этот нелегкий путь будет сопровождаться насмешками окружающих, ее пугала и расстраивала.

Девочка осторожно выглянула из-за дерева, лица глазами своих обидчиков. Ей совсем не хотелось снова с ними сталкиваться и слушать противный смех, видеть эти гадкие лица. Мальчишек всегда любили больше. Даже ее родите-

ли — они души не чаяли в маленьком сынишке, который еще толком ходить не умел, а на дочь внимания не обращали. Вот и сейчас, даже ее обидчики потеряли интерес к толстой девочке, отдавая предпочтение другим развлечениям. С одной стороны, было даже немного обидно, но с другой — Яна наконец выдохнула. Хотя и понимала, что это всего лишь небольшая передышка.

«Сегодня седьмое июля, полдень. Погода прекрасная, день — шикарный. И это отличный повод послушать нашу любимую Примадонну...»

Яна бросила взгляд на домик вожатой, глупо завидуя ее возрасту. Та была взрослой и самостоятельной, никто не смел делать ей замечание, указывать на вес или внешность, никто не шутил над ее стилем и манерами. Яна тоже хотела поскорее вырасти, вырваться из оков детства, которые причиняли боль. Взрослым проще: у них другие заботы и другие проблемы, более серьезные. Лишний вес мало кто обсуждает и осуждает, и водой взрослых по утрам никто не обливает, не ставит им подножки на завтраке. Взрослым жить легче.

Девочка мечтала не просто вырасти, но и устроиться работать в библиотеку, чтобы ухаживать только за книгами. Они, по крайней мере, не попытаются ее унижить или оскорбить, даже если сидеть она будет на двух стульях и есть за троих. Книгам наплевать, кто держит их в руках. Им наплевать на вес, в отличие от противных мальчишек.

Маша недавно предположила, что, возможно, Яна нравилась кому-то из них, поэтому они и издевались. И девочка могла бы поверить в эту смешную иллюзию, если бы не подножка и ведро ледяной воды.

— Ладно-ладно, сделаем потом, — раздался голос Серого. — У нас полно дел. Куда эта пузатая банка пропала?

Яна стиснула зубы, обнимая себя руками. Она верила, что однажды обидные слова перестанут ее задевать и, возможно, мальчишкам надоест повторять одно и то же. Возможно, они найдут себе новую жертву, а может быть, однажды утром просто откроют глаза и поймут, насколько глупо себя вели все это время.

Она верила.

«Осталось всего двенадцать дней...»

Родители ведь могли сделать ей подарок и забрать раньше.

Например, в ее день рождения. Это было бы лучшим сюрпризом. Она ведь не просила дорогих подарков, не требовала каких-то крутых игрушек, не кланчила модную косметику у мамы, хотя девчонки вокруг иногда злоупотребляли тенями и румянами. Яна всегда радовалась красивым книгам, душевным сувенирам и тем игрушкам, которые можно было и на потом отложить. И всегда смущалась, когда бабушка дарила ей какие-то деньги — десяток сочных пирожков, конфеты шоколадные и обязательно рублей двести в карман. Мама обычно закаты-